

Курокава Синдзи вовсе не желал Линь Цзэ смерти. Он лишь ждал, когда тот сломается, проявит слабость и пойдет на попятную, а потому не видел смысла отступить первым.

Впрочем, в любом деле важно вовремя остановиться.

Заметив, что Линь Цзэ начал колебаться, Курокава решил взять инициативу в свои руки:

— Мои условия предельно просты. Тебе нужно лишь пообещать мне одну вещь.

Линь Цзэ посмотрел на него с нескрываемым подозрением:

— Какую еще вещь? Если это что-то аморальное, даже не надейся.

— Будь спокоен, я не стану требовать ничего странного, — клятвенно заверил его Курокава. — Моё условие таково: когда ты встретишь меня в следующем мире, ты должен будешь первым подойти и поздороваться.

—...И это всё? — Линь Цзэ вскинул бровь, недоумевая. — Ты не боишься, что я соглашусь сейчас, а в следующем мире просто наплеваю на наш уговор?

Зная характер Синдзи, Линь Цзэ сомневался, что тот способен на столь наивную ошибку. И он оказался прав. В следующую секунду Курокава расплылся в улыбке, и в его взгляде мелькнуло нечто пугающее.

— Разве это не чудесно? — Он предвкушающе улыбнулся. — Тогда у меня появится законный повод тебя наказать.

Линь Цзэ мысленно поздравил себя с тем, что решил уточнить детали. Курокава никогда не скрывал перед ним свою истинную натуру, поэтому выкладывал карты на стол прямо и без прикрас.

Конечно, оставался шанс, что в следующем мире они вообще не встретятся. Это был вопрос, требующий вдумчивого анализа, но сейчас важнее всего было отделаться от Синдзи здесь и сейчас.

— Хорошо, я согласен, — выдохнул Линь Цзэ. — А теперь, может, наконец слезешь с меня?

Синдзи, добившись своего, нехотя поднялся, напоследок скользнув пальцами по его груди. Линь Цзэ передернуло от этого жеста, и как только его освободили, он мгновенно откатился на самый край кровати. Он замер там, готовый в любую секунду сорваться и бежать, если Курокава вздумает приблизиться.

Впрочем, бежать было особо некуда: в комнате, кроме кресла, на котором раньше сидел Синдзи, и приткнуться-то было негде.

В дверь постучали.

— Войдите, — бросил Курокава.

Появившийся на пороге человек с подчеркнутым почтением передал ему стопку документов и тут же удалился, плотно притворив за собой тяжелую дверь.

Курокава принялся неторопливо просматривать бумаги. Линь Цзэ, снедаемый любопытством, осторожно подобрался поближе и заглянул через плечо, стараясь не выдать себя. Тот не препятствовал, и он обнаглел окончательно, принявшись «совершенно искренне» подглядывать в текст.

Из-за расстояния буквы расплывались, но суть он уловил быстро. Это было досье на Такаюму Юсуке. Фотография на первой странице не оставляла сомнений.

— Зачем тебе это? — не удержался он. — Ты же знаешь, что это не я. Я просто занял это тело, так что изучать его прошлое бессмысленно.

Однако Курокава и не думал закрывать папку.

— О, я нахожу это весьма содержательным, — прошептал он, ведя пальцем по графе «социальные связи». — Значит... тебе нравится такой типаж?

Голос Синдзи звучал обыденно, словно за светской беседой после обеда, но Линь Цзэ, видевший, куда указывает его палец, всё понял. Однако это не принесло облегчения. Какого чёрта Курокава замер на имени Уэхары Кэйты, а не, скажем, Такэути Аои или Судзуки Юки?!

Он же ясно давал понять, что ему нравятся девушки!

Заметив замешательство на лице Линь Цзэ, Синдзи выудил из стопки бумаг диктофон и нажал на кнопку воспроизведения. Из динамика донесся всхлипывающий голос Аои:

«— У-у-у... что мне делать? Оказывается, Такаеме-куну нравятся парни... и не кто-нибудь, а Уэхара-кун! Я же совершенно не выдержу конкуренции! У-у-у... неужели это конец? Моя любовь разбита... Как мне теперь быть?..»

Кое-какие фрагменты записи были предусмотрительно вырезаны, чтобы нельзя было опознать собеседника Аои, но Линь Цзэ и без этого всё понял. С такой откровенностью Аои могла делиться только с Сэнмото Мэй.

Но сейчас Линь Цзэ волновало другое. Аои, девочка моя, что за несусветную чушь ты несешь в этой записи?

Линь Цзэ помрачнел. С чего она вообще взяла этот бред? Они же так весело проводили время! Неужели доверие между людьми окончательно испарилось?

— Мир постоянно меняется, а вместе с ним меняются и люди, — изрек Курокава, глядя на него с непонятым выражением. — Раньше я был уверен, что тебе нравятся женщины, но теперь, в этом мире, я уже ни в чем не уверен.

— Пожалуйста, поверь мне: я всё еще люблю девушек, — с каменным лицом отчеканил Линь Цзэ. Впрочем, тут же спохватился: — Хотя тебе, законченному эгоцентрику, ведь всё равно, так?

«Законченный эгоцентрик» — синоним человека, который в принципе не слушает окружающих. Линь Цзэ не думал, что его ориентация может хоть как-то смутить Синдзи.

Курокава усмехнулся и вернулся к первоначальной теме:

— Так тебе, стало быть, по душе такой «чистый» типаж? Любишь нежность и заботу? — В его глазах вспыхнул странный огонек. — Знаешь, я тоже так умею.

Линь Цзэ ожидал какой-нибудь колкости, но реальность оказалась куда страшнее.

Курокава вдруг расплылся в ослепительной улыбке. В ней не было ни капли привычной язвительности или холода — он сиял, словно весеннее солнце. Линь Цзэ невольно вздрогнул. По коже пробежал мороз.

Он сам поразился собственной реакции. Улыбка, которая у любого другого вызвала бы симпатию, в исполнении Курокавы Синдзи казалась чем-то запредельно неправильным. Дикая, невозможная фальшь.

Но Синдзи не останавливался.

— Как только я улажу здесь все дела, я провожу тебя домой. А пока побудь со мной. Не бойся, я рядом и не позволю никому причинить тебе вред, — проворковал он медовым голосом, глядя на Линь Цзэ с нескрываемой нежностью. Это был образцовый портрет идеального мужчины.

Линь Цзэ почувствовал, как волосы на загривке зашевелились.

—...Ты можешь... говорить нормально? — Он попятился, обхватив себя руками, словно пытаясь защититься от этой избыточной патоки.

— Почему? — Синдзи склонил голову набок, не снимая маски добродетели. — Разве тебе не это нравится?

От этого вопроса Линь Цзэ снова передернуло. Да, ему нравились такие люди, но только если это было искренне, а не превращалось в дешевый фарс!

— Мне больше по душе твой прежний образ, — честно признался он, выбирая меньшее из зол.

— Вот как? И каким же я был в твоих глазах? — Курокава подался вперед, явно ожидая ответа.

В голове Линь Цзэ пронеслось: «Психопат, самовлюбленный придурок, больной на голову, целовальный маньяк...» Но произносить это вслух было бы верным самоубийством. Он предпочел промолчать.

— Раз не можешь ответить, то и бог с ним, — Курокава мгновенно сбросил приторную маску. — Но я не шутил. Разберусь с делами — и я весь твой.

Линь Цзэ облегченно выдохнул, когда Синдзи стал прежним, но тут же зацепился за его слова:

— Что значит «разберусь с делами»?

— Я связался с этой организацией только ради того, чтобы найти тебя, — небрежно бросил Курокава. — Теперь, когда ты здесь, они мне больше не нужны.

Линь Цзэ мысленно посетовал на его привычку выбрасывать людей как использованный мусор.

— И что с того? Ты же наверняка у полиции в черных списках, да и в криминальном мире имя себе сделал.

Уйти в тень легко, вернуться к свету — почти невозможно. Линь Цзэ был настроен скептически.

— В этом мире правит закон, — Курокава оставался невозмутимым. — Пока на поверхности всё выглядит чисто, им не к чему будет придраться. А что касается изнанки... — Он уверенно улыбнулся. — Полагаю, если я доходчиво изложу им свои доводы, они быстро поймут «правила игры».

Линь Цзэ совершенно не хотелось знать, что Синдзи подразумевает под «доводами».

Наконец Курокава оставил его в покое и занялся своими делами. Обещание он сдержал быстро. В четверг за Линь Цзэ прислали машину и отвезли обратно.

Та же знакомая улица, тот же порог.

Однако стоило Линь Цзэ переступить порог дома Такаямы Юсуке, как дверь содрогнулась от удара. В дом ворвалась полиция.

Его скрутили и арестовали прежде, чем он успел хоть что-то сообразить.

Линь Цзэ: «.....»

Хуже всего в жизни — это когда беда обрушивается тебе на голову среди ясного неба. Сидя в полицейской машине по пути в камеру, он всерьез пытался понять: за что ему всё это?

<http://bllate.org/book/17572/1719709>